КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го мая. № 9. 1873 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПОУЧЕНІЕ

О св. иконахъ, по случаю появленія ереси штундистовъ.

Дѣти почитаютъ портретъ своего родителя и подданные имѣютъ въ чести образъ своего Государя. Поставленіемъ портретовъ въ домахъ частныхъ и общественныхъ, ихъ сохраненіемъ и украшеніемъ воздается также честь заслугамъ. именитыхъ мужей, прославившихся защитой отечества, науками, искуствами и доблестными подвигами на пользу общества. И ни одинъ отецъ не оставитъ безъ наказанія дѣтей, которые дерзнули бы допустить явное пренебреженіе къ его портрету; равнымъ образомъ ни одно правительство не дозволитъ кому нибудь безнаказанно ругаться надъ портретами, сохраняющими для потомства образъ Государя или именитаго по заслугамъ гражданина. Память знаменитыхъ лицъ, кромѣ того, увѣковѣчиваютъ сооруженіемъ въ честь ихъ общественныхъ памятниковъ, при открытіи которыхъ устрояютъ народныя празднества, произносятъ похвальныя рѣчи, а самые памятники украшаютъ зеленью и цвѣтами. Кто назоветъ это несообразнымъ съ

здравымъ разумомъ? Найдется ли такой безразсудный человѣкъ, который бы сталъ охуждать общество, воздающее честь доблести и славнымъ подвигамъ? Какъ же не почитать тѣхъ, которые и на землѣ и на небѣ, и предъ человѣками и предъ Богомъ, прославились своими добрыми дѣлами и богоугодною жизнію, которые показали въ себѣ высокій примѣръ вѣры, молитвы, кротости, смиренія, воздержанія, состраданія, любви къ ближнимъ, самопожертвованія для спасенія бѣдствующей братіи, которые назидали міръ словомъ и дѣломъ, ознаменовали себя великими подвигами добродѣтели и нынѣ предстоятъ престолу Божію съ молитвою о насъ? Если кто изъ людей, то преимущественно святые, которыхъ Богъ благоволитъ называть своими друзьями и сожителями небеснаго Іерусалима, достойны знаковъ нашего благовѣнія и почтенія. Въ св. Писаніи читаемъ, что ангеламъ и св. мужамъ всегда было оказываемо чествованіе за ихъ добродѣтель и святость. Авраамъ (Быт. 18, 2); Лотъ(-19, 9), Іисусъ Навинъ (І. Нав. 5, 15) преклонялись до земли предъ являвшимися имъ ангелами, падали на свое лице и благовѣли предъ ними. Авдія палъ на лице свое предъ пророкомъ Иліей (3. Цар. 18, 7), и сыны пророчестіи *пріидоша на срѣтеніе* пророку Елисею и *поклонишася ему до земли* (4. Цар. 2, 15). *Восхвалимъ мужи славны и отцы наши въ бытіи*, учитъ Іисусъ сынъ Сираховъ, разумѣя подъ ними св. Еноха, Ноя, Авраама, Моусея, Аарона, Давида и проч.; *многу славу созда Господь въ нихъ величіемъ своимъ отъ вѣка, мужи имениты силою, провѣщавшіи во пророчествахъ, мужи милостивіи, ихъ же правды не забвены быша; тѣлеса ихъ въ мирѣ погребены быша, а имена ихъ живутъ въ роды; премудрость ихъ повѣдятъ людіе и пох-*

валу ихъ исповѣсть церковь (Кн. премудр. I. сына Сирах. 44, 1. 2. 3, 9. 13. 14). И въ христіан. церкви, отъ временъ апостольскихъ, всегда было воздаваемо чествованіе святымъ, въ честь ихъ совершались торжества и общественныя моленія. Такъ первые христіане замѣчали дни кончины св. мучениковъ, собирались въ эти дни на ихъ гробахъ и совершали молитвы и св. таинство причащенія надъ мощами св. исповѣдниковъ вѣры Христовой. Свидѣтельство о семъ имѣемъ въ сказаніи о мученической кончинѣ (въ 107 г.) св. Игнатія Богоносца, бывшаго ученикомъ св. Поликарпа епископа смирнскаго, пострадавшаго въ 166 году по Р. Хр.; св. останки Игнатія Богоносца учениками его были отвезены «какъ драгоцѣнное сокровище» въ Антіохію. Свидѣтели мученичества св. Поликарпа, извѣщая о его кончинѣ другихъ христіанъ, писали къ нимъ: «мы будемъ собираться въ день его мученической смерти и соединимся съ мужественными воинами Христовыми въ священномъ воспоминаніи о немъ, прославляя Господа Іисуса Христа.»

Если же святые достойны всякаго отъ насъ почитанія, то можно ли что разумное сказать противъ древняго обычая св. церкви изображать лики святыхъ и ихъ дѣянія на доскахъ, стѣнахъ и на холстѣ, имѣть ихъ въ своихъ домахъ на приличныхъ мѣстахъ и во св. храмахъ, украшать ихъ и оказывать имъ внѣшніе знаки уваженія? Кто не знаетъ, (кромѣ невѣждъ и людей неразумныхъ), что честь, воздаваемая образу, относится къ первообразу,-что она воздается не веществу, изъ котораго устроенъ образъ,-не дереву, холсту или металлу, а лицу, которое представляетъ икона?

Враги православной церкви внушаютъ, будто употребленіе и почитаніе св. иконъ противно 2-й заповѣди Господней, которая говоритъ: *не сотвори себѣ кумира, ни*

всякаго подобія, елика на небеси горѣ, елика на земли низу, будто потому почитаніе иконъ сходно съ идолослуженіемъ. Но эти слова заповѣди нужно понимать такъ, какъ они поясняются дальнѣйшими словами: *да не поклонишися имъ* (кумирамъ, идоламъ), *ниже да послужиши имъ*, т. е. не дѣлай себѣ изображеній ложныхъ боговъ, не поклоняйся имъ и не служи имъ, ибо это образы боговъ ложныхъ, а не истиннаго Бога. Слѣдовательно заповѣдію не вообще запрещено дѣлать какія бы то нибыло священныя или не священныя избраженія, а запрещено идолопоклонство, запрещено суевѣріе язычниковъ, которые признавали идола за Бога истиннаго, почитали идоловъ вмѣсто истиннаго Бога, идоламъ воздавали честь, а истиннаго Бога не знали и не почитали, надѣялись на идоловъ, а не на Бога, и идоловъ просили и молили по неразумію своему, а не Бога. Но всякій православный христіанинъ отвергается идоловъ и всего служенія идольскаго, чтитъ истиннаго Бога, и чествуя св. иконы, нисколько не перестаетъ быть чтителемъ единаго истиннаго Бога, Ему покланяться и Ему одному служить. Иконы мы почитаемъ и предъ ними молимся не въ томъ смыслѣ, какъ будто мы хотимъ что нибудь у нихъ выпросить или возлагаемъ на нихъ надежду, подобно язычникамъ, надѣявшимся на идоловъ и истукановъ, но чествованіе наше относится къ изображенному на иконѣ: предъ иконою мы молимся Богу, Господу нашему Іисусу Христу, пречистой Его Матери и св. угодникамъ Божіимъ, имъ покланяемся, а не дереву или краскамъ, ихъ ублажаемъ, и на нихъ возлагаемъ надежды наши и исполненіе нашихъ прошеній. Въ суевѣріи или даже идолопоклонствѣ можно бы винить развѣ того, кто, стоя предъ иконой, молился бы такъ или почти такъ: дай

мнѣ, образъ, то, чего я желаю; тебя, дерево или металлъ, благодарю за полученное исцѣленіе»; но такого человѣка нельзя и считать православнымъ христіаниномъ; православные же христіане, молясь предъ иконами, въ духѣ обращаются къ Христу или святымъ угодникамъ, обитающимъ на небѣ и только напоминаемымъ намъ и какъ бы живыми представляющимся въ св. иконахъ.

Что таковымъ всегда было чествованіе св. иконъ по разумѣнію православной церкви, привожу вамъ ученіе о семъ, изложенное въ книгѣ: *Православное Исповѣданіе Каѳолической и Апостольской церкви*, составленной болѣе чѣмъ за 200 лѣтъ предъ симъ въ Кіевѣ и одобренной всѣми восточными патріархами. «Велико», говорится въ ней, «различіе между идолами и иконами. Идолы вымышлены и изобрѣтены человѣками, какъ свидѣтельствуетъ Апостолъ, говоря: *вѣмы, яко идолъ ничтоже есть въ мірѣ* (1 Кор. 8, 4). А икона есть изображеніе, представляющее вещь истинную, на самомъ дѣлѣ существующую въ мірѣ, какъ-то: икона Спасителя нашего Христа, и Святыя Дѣвы Маріи, и всѣхъ Святыхъ. Язычники поклонялись идоламъ, какъ богамъ, и приносили имъ жертвы, почитая золото и серебро за боговъ, напримѣръ Навуходоносоръ. Напротивъ мы, почитая иконы и покланяясь имъ, покланяемся не краскамъ или дереву, но тѣмъ Святымъ, кои изображены на иконахъ, и чтимъ поклоненіемъ, представляя въ своемъ умѣ присутствіе ихъ, такъ какъ бы они были предъ нашими глазами. Напримѣръ, когда поклоняемся Распятому, представляемъ въ мысли нашей Христа, висящаго на Крестѣ для нашего спасенія, преклоняемъ предъ Нимъ главу и колѣна со благодареніемъ; также когда покланяемся иконѣ Дѣвы Маріи, возводимъ умъ нашъ ко Пресвятой

Богородицѣ, преклоняя предъ Нею главу и колѣна, и вмѣстѣ съ Архангеломъ Гавріиломъ, называя Ее блаженною паче всѣхъ мужей и женъ. Итакъ поклоненіе Святымъ иконамъ, совершаемое Православною Церковію, не нарушаетъ сей заповѣди: поелику оно не есть тождественно съ поклоненіемъ, которое воздаемъ Богу; притомъ православные покланяются не живописи, но лицамъ тѣхъ Святыхъ, которые представлены на иконахъ. Какъ херувимы, осѣнявшіе Скинію Свидѣнія, изображали истинныхъ херувимовъ, предстоящихъ на небесахъ Богу; и какъ Израильтяне покланялись имъ и чтили ихъ безъ малѣйшаго нарушенія сей заповѣди Божіей; также когда сыны Израилевы покланялись Скиніи Свидѣнія, и воздавали ей надлежащую честь (2 Цар. 6, 13, и далѣе), то не дѣлали чрезъ то никакого грѣха, и не нарушали сей заповѣди Десятословія, но симъ еще болѣе прославляли Бога: такъ равно и мы, почитая святыя иконы, не преступаемъ сей заповѣди Десятословія, но тѣмъ болѣе восхваляемъ *дивнаго во Святыхъ Своихъ Бога* (Псал. 67, 36). О томъ только мы должны стараться, чтобы всякая икона имѣла свое надписаніе, которое бы означало, кто именно изъ Святыхъ изображенъ на ней; и сіе для того, чтобы скорѣе могъ удовлетвориться духъ молящагося».

Изображать святыхъ и хранить съ подобающею честію образа или иконы въ домахъ и церквахъ не только согласно съ Евангельскимъ и апостольскимъ ученіемъ, но и весьма полезно и назидательно. Иконы для многихъ суть книги, въ которыхъ истины вѣры написаны, вмѣсто буквъ, лицами. Смотря на образа и иконы, народъ воспоминаетъ благодѣянія Божіи и дѣянія изъ жизни Спасителя, живо представляетъ чудеса совершенныя Имъ и Его

апостолами, видитъ въ нихъ исторію нашего спасенія, утверждается въ истинахъ вѣры, въ ликахъ святыхъ созерцаетъ высокіе примѣры святой жизни и этимъ самимъ научается жить свято и благочестиво.

Являлись иконоборцы, даже гонители иконопочитателей въ давнее время; но ни прещеніями, ни угрозами, ни соблазнами не могли истребить св. обычай, принятый церковію отъ апостоловъ и распространенный повсемѣстно. «Нѣтъ страны, ни мѣста, ни дома, гдѣ бы не имѣли и не почитали св. иконъ, говорилъ св. Ѳеодоръ Студитъ греческому Императору Льву III, а ты хочешь въ одно мгновеніе, по своему произволу, истребить то, что утверждено 8 вѣками и распространилось вмѣстѣ съ христіанствомъ». Пострадали пастыри и учители церкви: св. Германъ, патріархъ Константинопольскій, св. Іоаннъ Дамаскинъ и св. Ѳеодоръ Студитъ и другіе, но не присоединились къ зараженнымъ иконоборческою ересью, а 7-й вселенскій соборъ, бывшій въ 788 году, осудилъ ученіе иконоборцевъ, призналъ оное еретическимъ, предалъ проклятію всѣхъ гонителей иконопочитанія, и 9 правиломъ своимъ установилъ на вѣки почитаніе св. иконъ.

Братіе—чада православной церкви! убойтесь сего проклятія, которое непремѣнно падетъ на главу тѣхъ, которые измѣняютъ праотеческой вѣрѣ и отмѣняютъ преданные апостолами и ихъ преемниками нашимъ отцамъ св. обычаи. Не обольщайтесь льстивыми и лукавыми рѣчами новыхъ иконоборцевъ, посягающихъ на лучшее украшеніе вашихъ домовъ и храмовъ Божіихъ. Въ вашихъ жилищахъ свято да хранятся изображенія св. креста и честныя иконы Божіей Матери и святыхъ угодниковъ. Пусть ваши домы уподобляются христіанскимъ, а не языческимъ храмамъ, въ которыхъ не было ничего напоминающаго о

святости и добродѣтели. *Поминайте*, учитъ св. апостолъ Павелъ, *наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе* (Евр. 13, 7.), а что живѣе можетъ напомнить ихъ намъ, какъ не св. изображенія ихъ ликовъ и ихъ дѣяній? *Воздадите*, говоритъ тотъ же апостолъ, *всѣмъ должная, емуже честь честь*. (Римл. 13, 7); но если мы содержимъ въ чести изображенія нашихъ друзей, родителей, благодѣтелей и въ особенности портреты возлюбленнаго Монарха нашего и всего царствующаго дома; то можно ли не чествовать св. иконы,-изображенія Господа нашего І. Христа, Пречистой Его Матери, апостоловъ и пророковъ, мучениковъ и исповѣдниковъ за вѣру Христову, святителей и преподобныхъ мужей и женъ, предъ именами которыхъ благовѣютъ монархи и весь міръ православный и которыхъ чествуютъ поклоненіемъ и лобзаніемъ въ ихъ св. иконахъ? «Будемъ стоять на камнѣ вѣры и преданій церкви,» какъ учитъ насъ св. Іоаннъ Дамаскинъ,» не преступая предѣловъ, положенныхъ св. отцами нашими, не попуская вводить новости и разорять зданіе святой соборной и Апостольской церкви. Ибо если всякому, кто захочетъ, позволено будетъ отважиться на сіе, то мало по малу разрушится все тѣло церкви. Нѣтъ, братія! нѣтъ, христолюбивая чада церкви! не посрамляйте матери вашей и нашей, не лишайте ее утѣшенія ея; пріимите ее въ любовь свою, о которой она чрезъ меня умоляетъ васъ. Послушайте, что говоритъ о ней Богъ: *вся добра еси, ближняя Моя, и порока нѣсть въ тебѣ* (Пѣснь Пѣсн. 4, 7). Будемъ покланяться и служить единому Творцу и Создателю, какъ единому по естеству Владыцѣ, будемъ покланяться и святой Богородицѣ не какъ Богу, но какъ Матери Божіей по плоти; будемъ покланяться и святымъ, какъ избраннымъ друзьямъ Божіимъ, которые царствовали надъ

страстями своими и имѣютъ дерзновеніе къ Богу, которые получили отъ Бога власть надъ демонами и надъ болѣзнями (Лук. 9, 1), которые будутъ царствовать со Христомъ въ царствѣ вѣчномъ и коихъ одна тѣнь прогоняла болѣзни и демоновъ. И такъ да не почитаемъ иконы бездѣйственнѣе тѣни, когда она вѣрно представляетъ подлинникъ. Братія! христіанинъ познается отъ вѣры. И такъ кто съ вѣрою приходитъ, тотъ получаетъ великую пользу, *а сумняйся уподобися волненію морскому, вѣтры возметаему и развѣваемому*. (Іак. 1, 6); онъ ничего не получитъ, ибо всѣ святые вѣрою благоугодили Богу.« Аминь.

«ИЗСЛѢДОВАНІЕ О ПОДЧИНЕНІИ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛІИ МОСКОВСКОМУ ПАТРІАРХАТУ.» С. ТЕРНОВСКАГО. Кіевъ. 1872 г.

(Критическій очеркъ).

(Окончаніе).

Теорія »шляхетскихъ склонностей« пришлась такъ по вкусу нашему автору, что онъ разсѣкаетъ ею всѣ Гордіевы узлы, встрѣчающіеся на его пути. По этой теоріи, чѣмъ холоднѣе относился къ Москвѣ какой-либо южнорусскій архіерей 16 и 17 в., тѣмъ болѣе въ немъ было «шляхетскихъ склонностей» и, слѣдовательно, тѣмъ менѣе онъ былъ достойнымъ. Вотъ почему у него всѣ южнорусскіе іерархи, отъ раздѣленія русской митрополіи на двѣ до начала уніи, были недостойными іерархами, такъ какъ они ничего не заискивали въ Москвѣ. Изъ пастырей, бывшихъ послѣ уніи, достойными оказались только м. Іовъ Борецкій и Исаія Копинскій, при которыхъ возобновились сношенія кіевской митрополіи съ московскою, преобразованною незадолго предъ тѣмъ въ патріаршество.

Но за тѣмъ нашему автору нужно было рѣшить вопросъ—почему Петръ Могила, обращавшійся также въ Москву за пособіемъ въ церковныхъ нуждахъ, не заявлялъ желанія и не искалъ подчиниться патріарху? Нисколько не обращая вниманія на тогдашнія политическія отношенія Москвы и Польши и слѣпо вѣруя въ свою теорію «шляхетскихъ склонностей», онъ нисколько не задумался бросить тѣнь на свѣтлый обликъ Петра Могилы, этаго замѣчательнаго пастыря юго-западной церкви. «Петръ Могила,-говоритъ онъ,-былъ шляхтичъ (?), по происхожденію

весьма дорожилъ почестями и имѣніями (?), и потому могъ высоко цѣнить привиллегіи» (стр. 30). Предположить въ нашемъ авторѣ незнаніе біографіи Петра Могилы рѣшительно невозможно, такъ какъ она находится даже въ краткихъ историческихъ сочиненіяхъ. Въ «Рук. къ Рус. Церк. Ист.» Знаменскаго, напр., говорится: «Одновременно съ восшествіемъ Владислава на престолъ, кіевскимъ митрополитомъ сдѣлался *знаменитый Петръ Могила*, *сынъ бывшаго молдавскаго воеводы*, получившій образованіе въ Парижѣ, потомъ въ Кіевѣ постригшійся въ монахи и бывшій архимандритомъ Печерской лавры»[1]).—Мы далеки отъ мысли, чтобы представлять историческую личность Петра Могилы безукоризненною: въ немъ тоже были нѣкоторыя слабости, какъ необходимая дань своему времени; но, въ интересахъ науки, считаемъ необходимымъ защитить его память отъ тѣхъ нареканій, какимъ она подвергается незаслуженно у нашего автора. Напримѣръ, можно ли сказать, что Петръ Могила весьма дорожилъ почестями, когда вся жизнь его и общественная дѣятельность рѣшительно этого не доказываютъ? Что Петръ Могила далеко выше стоялъ по образованію всего современнаго западно-русскаго духовенства и что превосходство было ясно сознано современниками, въ слѣдствіе чего онъ и оказался на самой высшей іерархической ступени,—это безспорно, но никакъ не можетъ быть поставлено ему въ вину, а скорѣе въ заслугу. Обвиненіе же его въ пристрастіи къ имѣніямъ, т. е. къ матеріальнымъ пріобрѣтеніямъ, есть уже чистая напраслина. Ни одинъ изъ западно-русскихъ іерарховъ не заявилъ себя такою обширною и вмѣстѣ полезною тратою суммъ, какъ

[1]) Рук. къ Руск. Церк. Ист. Знаменскаго, стр. 220.

Петръ Могила. Тратилъ онъ ихъ не на себя, потому что, по свидѣтельству современника, онъ «жилъ воздержно» [1]), а на различныя церковныя и общественныя нужды. «Онъ возобновилъ Кіево-Софійскій Соборъ, также открылъ и очистилъ отъ развалинъ Десятинную Владимірову церковь, возобновилъ древнюю Васильев. церковь, Спасскую на Берестовѣ; а наипаче Кіевская Академія есть безсмертный его памятникъ» [2]). Для нея онъ ничего не жалѣлъ: «въ Братскомъ монастырѣ выстроилъ каменное зданіе, перевезъ сюда нѣсколько деревянныхъ зданій изъ своего Больничнаго, для помѣщенія учащихъ и учащихся, а въ страннопріемномъ Братскаго монастыря домѣ (на мѣстѣ, гдѣ нынѣ новая Академія) завелъ для пришлыхъ бѣдныхъ учениковъ особую Бурсу, и снабжалъ всѣхъ ихъ *своимъ содержаніемъ*» [3]). Кромѣ того, онъ обогатилъ ее своими и лаврскими вотчинами и поощрялъ къ пожертвованіямъ на нее шляхтичей, козаковъ и духовенство [4]). Конечно дѣйствуя съ такою истинно отеческою щедростію и рѣдкою энергіею въ пользу созданной имъ Коллегіи, Петръ Могила никакъ не предполагалъ, что будетъ такое время, когда за все его добро взлелѣянной имъ коллегіи отплатятъ ему подобными о немъ отзывами.

Послѣдуемъ далѣе за авторомъ. На стр. 31-й онъ говоритъ: «Петръ Могила не только самъ былъ шляхтичъ, но и содѣйствовалъ развитію шляхетскихъ стремленій въ высшемъ духовенствѣ. Главною его заботою была забота

---

[1]) Опис. К.-Софійск. Соб. Евгенія, стр. 171.

[2]) Тамъ же стр. 172.

[3]) Тамъ же стр. 173.

[4]) Рук. къ Рус. Церк. Ист. Знаменскаго, стр. 222.

о просвѣщеніи»(!).—Признаемся, мы не мало удивились такому неожиданному сопоставленію «шляхетскихъ стремленій» съ «заботою о просвѣщеніи» съ одной стороны потому, что, перечисляя прежде шляхетскія стремленія южно-русскихъ епископовъ, авторъ и не заикнулся о томъ, что въ число шляхетскихъ стремленій входила и забота о просвѣщеніи; съ другой—потому, что исторія вовсе не говоритъ, чтобы масса шляхетства, за исключеніемъ отдѣльныхъ личностей, стремилась, во время Петра Могилы или прежде, къ просвѣщенію.—«На томъ же сеймѣ,—предолжаетъ онъ,—на которомъ было утверждено его (П. Могилы) избраніе въ митрополиты, дана была привиллегія православнымъ заводить типографіи и училища. Возвратившись въ Кіевъ, Петръ Могила, дѣйствительно, основалъ замѣчательную (sic) Кіево-Могилянскую коллегію. Въ этой школѣ обученіе шло на латинскомъ языкѣ и всѣ порядки были устроены по образцу школъ іезуитскихъ. Главная задача обученія состояла въ томъ, чтобы развить въ ученикахъ краснорѣчіе и способность къ спорамъ. Другія, болѣе полезныя науки, какъ напр. исторія, были пренебрежены. Поэтому, выходя изъ школы, ученики Кіево-Могилянской коллегіи были чужды народа, исторіи бѣдствій котораго они не знали, и чувствовали себя хорошо только въ средѣ высшаго общества шляхты, гдѣ требовалось остроуміе, болтливость, способность поспорить. Школа Могилянская отдѣляла учениковъ своихъ отъ народа, дѣлая ихъ шляхтичами» (стр. 32).—И это изображеніе пустосты и безсодержательности образованія, даваемаго Кіево-Могилянскою школою, авторъ приводитъ какъ бы въ подтвержденіе того, что Петръ Могила «дѣйствительно замѣчательную основалъ коллегію». Но этого мало. Здѣсь кромѣ противорѣчія, мы опять на-

ходимъ явную историческую неправду. Дѣйствительно ли ученики Кіево-Могилянской коллегіи были чужды народа и чувствовали себя хорошо только въ средѣ высшаго общества шляхты? Дѣйствительно ли коллегія отдаляла своихъ воспитанниковъ отъ народа, дѣлая ихъ шляхтичами?—Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ извѣстнаго изслѣдователя церковной исторіи: «Кіево-Могилянская коллегія не могла ополячиться, преобразовавшись на польскій іезуитскій ладъ, потому что, по причинѣ ополяченія высшихъ классовъ, она исключительно была связана съ средними классами, мѣщанами, козаками и мелкой шляхтой, гдѣ народность хранилась во всей свѣжести, притомъ же была заведеніемъ открытымъ, постоянно наполнялась приливомъ свѣжихъ народныхъ силъ»[1]). Исторія дѣйствительно доказываетъ, что Кіево-Могилянская коллегія отнюдь не была чужда народа, а, напротивъ, относилась съ самымъ живымъ сочувствіемъ къ его интересамъ и стремленіямъ. Такъ напр., когда въ 1648 г. Богданъ Хмельницкій торжественно въѣзжалъ въ Кіевъ, то «академія вышла къ нему на встрѣчу, профессора говорили панегирики, называли Хмельницкаго Моисеемъ вѣры Русской, защитникомъ свободы русскаго народа, новымъ Маккавеемъ»[1]); а «ученики высшихъ классовъ (коллегіи), увлеченные патріотическимъ движеніемъ, уходили подъ знамена Богдана, такъ что въ этихъ классахъ ученіе на-время совсѣмъ прекратилось»[2]). Чѣмъ же объяснить такую напраслину со стороны нашего автора древней Кіево-Могилянской коллегіи? Ни чѣмъ другимъ, какъ только преизбыткомъ любви къ

---

[1]) Рук. къ Рус. Цер. Ист. Знаменскаго, стр. 223.

[2]) Ист. Рос. Соловьева, т. X, стр. 243.

теоріи »шляхетскихъ склонностей» и непонятною антипаніею къ южно-русской іерархіи, проглядывающею во всемъ его сочиненіи. Тутъ видишь только желаніе во что бы-то ни стало очернить свѣтлую личность Петра Могилы. Подъ вліяніемъ такого неодолимаго желанія, нашъ авторъ и не замѣчаетъ, что высказываетъ здѣсь такое же несочувствіе къ Петру Могилѣ и коллегіи, какое онъ указываетъ затѣмъ въ простомъ народѣ, современномъ описываемымъ событіямъ. «Но народъ продолжаетъ онъ, не взлюбилъ Петра Могилу за его реформаторскія стремленія, которыхъ не понималъ, и за основаніе коллегіи, а самую коллегію за латинскій языкъ, въ которомъ онъ видѣлъ корень всѣхъ ересей». Неужели современный намъ магистръ нисходитъ на степень воззрѣнія простаго народа XVII столѣтія и не знаетъ, что кіев. мѣщане были вооружены противъ коллегіи кознями Езуитовъ?

Сказавъ о враждѣ народной массы къ Петру Могилѣ и его коллегіи, авторъ продолжаетъ: «Так. обр. снова произошло, подобно бывшему предъ уніею, раздѣленіе между пастырями (іерархами) и паствою»... «Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ менѣе южнорусскіе іерархи заботились объ интересахъ народа, болѣе заботились о сохраненіи своихъ преимуществъ, возставали противъ подчиненія Москвѣ, сближались съ Польшею и Турціею: но низшее духовенство и народъ (?), вопреки старанію своихъ іерарховъ, все болѣе и болѣе къ Москвѣ тяготѣли» (стр. 35).—Но за тѣмъ чрезъ двѣ четвертушки, послѣ только что приведенныхъ словъ говорится слѣдующее: Убѣгая отъ преслѣдованія (Московскаго) правительства, раскольники, между прочимъ, скрывались и въ Малороссіи и, судя по нимъ, малороссіяне были *очень худого* мнѣнія о Московской религіозности: «одни погруженцы, другіе обливанцы, говорили

простодушные козаки и урядники; у однихъ попы, у другихъ безпоповщина, на Московщинѣ столько вѣръ, сколько слободъ, а въ слободахъ иногда сколько домовъ; насъ никто въ домъ не пуститъ съ трубками; у нихъ вся вѣра въ томъ, чтобы бороды не брить и табаку не курить и не нюхать» (стр. 38—39). Читатель, безспорно, согласится съ нами въ томъ, что врядъ ли въ этихъ словихъ нельзя не видѣть противорѣчія вышесказанному о симпатіяхъ малорус. народа къ Москвѣ.

Затѣмъ, нашъ авторъ, упомянувъ о кіевскомъ митрополитѣ Діонисіѣ Балабанѣ и претендентѣ на кіевскую митрополію Антоніѣ Винницкомъ (назначенномъ польскимъ правительствомъ по смерти Діонисія Балабана), говоритъ, что представители духовенства вскорѣ, однакожъ, разочаровались въ Польшѣ; неблагосклонные къ Москвѣ духовные увидали, что еще менѣе основательно искать благосклонности у Польши (стр. 48). Но для недовольныхъ Москвой былъ еще исходъ: можно было искать покровительства у третьяго сосѣдняго государства—Турціи. Такъ поступилъ кіевскій митрополитъ Іосифъ Нелюбовичь—Тукальскій. «Но обращаясь къ туркамъ,—говоритъ онъ далѣе,—Тукальскій не могъ, вслѣдствіе этого, не потерять уваженіе къ себѣ въ народѣ» (49 стр.).—Не имѣя, однакожъ, никакой возможности подтвердить эту мысль хотя однимъ фактомъ, авторъ прибѣгаетъ къ самой ошибочной аналогіи. «Искать покровительства у невѣрныхъ, говоритъ онъ, всегда казалось дѣломъ постыднымъ. Такъ, Богданъ Хмельницкій смотрѣлъ на дружбу съ невѣрными, какъ на грѣхъ смертельный; Лазарь Барановичь—какъ на добровольное наложеніе на себя ярма. Стало быть, заключаетъ нащъ авторъ, Тукальскій, обращаясь къ туркамъ, долженъ былъ, вмѣстѣ

съ тѣмъ, потерять уваженіе къ себѣ въ народѣ». —A priori, пожалуй, и такъ, но не сообразно съ исторической дѣйствительностію. Прежде, когда оружіе Богдана Хмельницкаго покрылось славою побѣдъ, когда каждое изъ сосѣднихъ государствъ старалось привлечь его на свою сторону, можно было пренебрегать союзомъ съ невѣрными; но теперь обстоятельства перемѣнились. Стонавшій подъ гнетомъ звѣрскаго деспотизма поляковъ, малороссійскій народъ возсоединенъ Богданомъ Хмельницкимъ съ Московскимъ государствомъ. Въ страждущей душѣ малоросса блеснула тогда искра надежды на лучшее. Но оправдались ли эти надежды? Малороссія дѣйствительно принята подъ покровительство москов. царя; началась изъ-за нея съ Польшею война; но она кончилась теперь самымъ безтактнѣйшимъ *Андрусовскимъ* миромъ, по которому Россія согласилась на раздѣлъ Малороссіи, уступивъ полякамъ всѣ свои литовскія завоеванія и всю заднѣпровскую Малороссію, и оставивъ за собою только Кіевъ и то на два года. Эта уступка, угрожавшая гибелью русской народности и православія на правой сторонѣ Днѣпра, сильно огорчила жителей Малороссіи, цѣлая половина которой снова отдавалась на жертву уніи и католическаго фанатизма [1]). Народъ малороссійскій роптал. Довѣріе къ Московской Руси было въ немъ подорвано. Среди козаковъ распространились слухи, что Россія намѣрена всѣхъ ихъ предать полякамъ, которые будто бы на сеймѣ постановили уже всѣ православныя церкви истребить и даже святыя мощи изъ Кіево-печерской лавры развезти по разнымъ мѣстамъ польскимъ. Къ этому присоединилось еще неудовольствіе на царя Алексѣя Михайловича въ козакахъ лѣвой стороны

---

[1]) Рук. къ Рус. Церк. Ист. Знаменскаго, стр. 285.

Днѣпра за то, что онъ во всѣ уступленные отъ Польши города прислалъ своихъ воеводъ, съ повелѣніемъ сдѣлать перепись всѣмъ козакамъ и обложить ихъ податью, чего у нихъ никогда не бывало; а на правой сторонѣ Украины, стоявшій на зимнихъ квартирахъ съ войскомъ, польскій Регментарь, Маховскій дѣлалъ козакамъ разныя обиды и убійства[1]). И вотъ когда, среди такого горькаго разочарованія, снова, еще громче, раздались вопли стонавшаго народа, выступили на сцену Дорошенко и Тукальскій, оба беззавѣтно преданные интересамъ народа, оба плакавшіе его слезами. Они не были политики, они не смотрѣли далеко въ будущее, они желали только, съ опасностію даже собственной жизни, облегчить плачевное настоящее, ослабить народные вопли, сохранивъ цѣлость южнорусскаго народа. Единственный исходъ для нихъ былъ — попробовать счастія въ союзѣ съ третьимъ сосѣднимъ государствомъ— Турціей. Утопающій хватается, говорятъ, и за соломинку, но кто же, за исключеніемъ нашего автора, вздумаетъ обвинять въ несочувствіи Москвѣ лицъ, отвергнутыхъ ею? Дорошенко и Тукальскій поддались Турціи; но, въ данный моментъ, это вполнѣ соотвѣтствовало желаніямъ всего малороссійскаго народа, не видѣвшаго для себя другого исхода. Одно уже желаніе Дорошенка и Тукальскаго помочь народу становило ихъ высоко въ глазахъ послѣдняго. Они сдѣлались народными любимцами. «Мѣщане и козаки,—сообщалъ Тяпкинъ Нащокину, — особенно черный народъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, очень любятъ и почитаютъ Тукальскаго и Дорошенка. «Да будетъ извѣстно, писалъ онъ, что печерскій архимандритъ съ Тукальскимъ великую любовь

---

[1]) Опис. К.-Софійскаго Соб., Евгенія, стр. 193.

между собою и въ народѣ силу имѣютъ»[1]). Конечно, такой народной любви къ Дорошенкѣ и Тукальскому не могло быть, если бы они шли въ разрѣзъ съ стремленіями народа, если бы преслѣдовали свои личныя цѣли. Можно ли, послѣ этого, повѣрить еще голословному утвержденію нашего автора, что Тукальскій, обращаясь къ Турціи, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по корыстнымъ побужденіямъ, также, какъ его предшественники по митрополіи, обращаясь къ Польшѣ? (стр. 54). «Страдалецъ вѣры и отчизны,—говоритъ безпристрастная исторія,—пастырь умный и искренній, Іосифъ, хотя и дѣйствовалъ въ пользу храбраго Дорошенка, отложившагося отъ Москвы, но всего болѣе по отвращенію къ Польшѣ, съ которою мирилась тогда Москва, какъ казалось къ невыгодѣ Украины. Онъ умолялъ царя не отдавать Кіева ляхамъ—врагамъ православія»[2]).—Так. образ. Тукальскій, обращаясь къ Турціи, не потерялъ уваженія въ народѣ (стр. 49), но еще болѣе снискалъ любовь его, потому что дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не по личнымъ корыстнымъ побужденіямъ (стр. 54), а, единственно, имѣя въ виду благо народа. Вотъ почему, онъ какъ былъ при жизни, такъ и умеръ любимымъ пастыремъ [3]).

«Мы прослѣдили, на сколько возможно,—продолжаетъ авторъ,—какъ представители малороссійскаго духовенства, по корыстнымъ побужденіямъ, возставая противъ Москвы и склоняясь въ пользу подчиненія Польшѣ, Турціи или татарамъ, должны были постоянно разочаровываться и, наконецъ, приведены были политическими обстоятельствами къ

---

[1]) Ист. Рос. Соловьева, т. XII, стр. 17.

[2]) Ист. Рус. Церк., Филарета, пер. IV, стр. 51.

[3]) Тамъ же, стр. 52.

убѣжденіямъ, что соединеніе съ Москвою—необходимо. Но существуетъ другое мнѣніе, по которому малороссійское духовенство возставало противъ соединенія съ Москвою не во имя личныхъ корыстныхъ расчетовъ, а по другимъ причинамъ. Костомаровъ, въ своей монографіи о Богданѣ Хмельницкомъ, недовольство митрополита Сильвестра Коссова подчиненіемъ Москвѣ объясняетъ общимъ, существовавшимъ тогда въ Малороссіи противъ Москвы предубѣжденіемъ. Даже о тождествѣ своей вѣры съ московскою вѣрою, говоритъ онъ, возникало у нихъ недоразумѣніе и сомнѣніе; имъ даже приходила мысль, что велятъ перекрещиваться. «Царь—писалъ въ то время черниговскій протопопъ—обицуетъ се всіхъ при правахъ и маетностяхъ удержати, хто се добровольно придасть и охреститьсе». Преосвященный Филаретъ съ своей стороны объясняетъ поведеніе Коссова между прочимъ тѣмъ, что онъ хранилъ въ душѣ признательной постоянную, хотя и слабую, защиту константинопольскаго патріарха югу (стр. 55) —Оба эти мнѣнія авторъ пытается опровергнуть, но, задавшись такою цѣлію, становится въ нѣсколько странное положеніе. Первое мнѣніе онъ опровергаетъ такимъ образомъ: «Ложность перваго (какъ будто выше указано нѣсколько предубѣжденій?), распространяемаго въ Малороссіи, предубѣжденія обнаружилась очень скоро. Послѣ нашествія поляковъ, т. е. въ 20 годахъ XVII столѣтія, дѣйствительно патріархъ Филаретъ на соборѣ положилъ перекрещивать обращающихся изъ латинства въ православіе и, вѣроятно, это постановленіе послужило основаніемъ къ распространенному въ Малороссіи слуху. Но, конечно, скоро православные малороссы могли увидѣть, что къ нимъ постановленіе п. Филарета не имѣло никакого отношенія. На соборѣ, по поводу низверженія Ни-

кона, по словамъ Барановича, даже мысль о необходимости перекрещивать латинянъ, принимавшихъ православіе, была не одобрена восточными патріархами».—И только. Отвѣтилъ ли авторъ на вопросъ? Если ужъ онъ вздумалъ вступать въ полемику съ г. Костомаровымъ, то ему нужно было доказать, что, во время Сильвестра Коссова, не было въ Малороссіи предубѣжденія противъ Москвы. Вмѣсто того, онъ вступаетъ въ полемику съ черниговскимъ протопопомъ, свидѣтельство котораго приводитъ г. Костомаровъ, и начинаетъ доказывать, что Москва не дѣлала постановленій о перекрещиваніи малороссовъ и, вслѣдствіе неодобренія восточныхъ патріарховъ, отказалась отъ перекрещиванія латинянъ. Москва даже вовсе не нуждалаеь въ защитѣ, такъ какъ свидѣтельство черниговскаго протопопа приведено г. Костомаровымъ вовсе не противъ Москвы, а съ цѣлію—показать степень развитія предубѣжденія противъ Москвы въ Малороссіи, показать, что въ нихъ явилось даже сомнѣніе, на счетъ сходства московской вѣры съ своей вѣрой. Ясно, так. образ., что авторъ, въ порывѣ полемическаго экстаза, и забылъ, что́ нужно было ему сказать, и ни съ сего, ни съ того, началъ защищать Москву. Впрочемъ, врядъ ли онъ могъ что нибудь сказать, хотя бы и захотѣлъ въ пользу того, что во время Коссова въ Малороссіи не было предубѣжденія противъ Москвы: оно не только было, но даже усилилось теперь, доказательствомъ чему служитъ, кромѣ свидѣтельства, приведеннаго самимъ же нашимъ авторомъ на 38 стр. своего сочиненія, — свидѣтельство, на которое мы уже имѣли случай указывать, именно: въ это время раскольники уходили изъ Московскаго государства, между прочимъ, въ Малороссію и, судя по нимъ, малороссійскій народъ былъ очень худого мнѣнія о московской религіозно-

сти: «одни погруженцы, а другіе обливанцы, говоритъ онъ, у однихъ попы, у другихъ безпоповщива», и т. д. Авторъ, какъ видно, выпустилъ изъ виду то, что говорилъ на предыдущихъ страницахъ.

Съ мнѣніемъ преосвященнаго Филарета нашъ авторъ сначала какъ будто соглашается и приводитъ много доказательствъ не противъ, а въ пользу того, что южно-русское духовенство дорожило зависимостію отъ константинопольскаго патріарха, не замѣчая при этомъ, что, приводя эти доказательства, онъ входитъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ самомъ дѣлѣ, множество свидѣтельствъ, приведенныхъ имъ почти на двухъ четвертушкахъ (стран. 56—59), не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что любовь къ константинопольскому патріарху была сильна въ южно-русскомъ духовенствѣ. Но, приводя упомянутыя свидѣтельства, авторъ спохватился и, увидѣвши себя въ безвыходномъ положеніи, вслѣдствіе ложной предвзятой идеи, опять начинаетъ увѣрять, что уваженіе къ константинопольскому патріарху ослабѣло въ южно-русскомъ обществѣ, благодаря сочиненіямъ Мелетія Смотрицкаго, изданнымъ имъ по пріѣздѣ съ востока, которыя, однако жъ, были сожжены тѣмъ же обществомъ, какъ еретическія. Курьезность такого умозаключенія авторъ, впрочемъ, тотчасъ почувствовалъ,—и говоритъ: «Хотя сочиненія Смотрицкаго и были сожжены, какъ сочиненія отступника отъ православія, но скоро въ Малороссіи должны были признать, что въ словахъ его о патріархахъ есть доля правды, что образованность на востокѣ, дѣйствительно, до того ослабѣла, что патріархи не могутъ защищать своего правовѣрія» (60 стр.).- Неизвѣстно, посредствомь какого процесса мысли авторъ пришелъ къ такому выводу, но ужъ никакъ не посред-

ствомъ всего вышесказаннаго. Все, что предъ этимъ онъ сказалъ почти на двухъ четвертушкахъ, доказываетъ совершенно противное, т. е. что южно-русское духовенство дорожило своею зависимостію отъ константинопольскаго патріарха.

Здѣсь мы наглядно можемъ видѣть, до какого вообще неловкаго положенія доходитъ историкъ, который, оторвавшись отъ исторической почвы, отъ объективизма, начинаетъ извращать историческую дѣйствительность, сообразно своей предвзятой идеѣ.

Что самъ авторъ чувствовалъ свое неловкое положеніе, написавъ двѣ четвертушки и рѣшительно не доказавъ того, что́ хотѣлъ доказать, -это подтверждаетъ слѣдующая же за приведеннымъ мѣстомъ мысль. «Между прочимъ, -говоритъ, -*съ цѣлію помочь востоку въ сохраненіи православія* (!?) былъ составленъ на югѣ Россіи катихизисъ, извѣстный подъ именемъ катихизиса Петра Могилы«. -Этотъ фактъ приведенъ наконецъ авторомъ, какъ доказательство того, что южноруссы, дѣйствительно, потеряли уваженіе къ константинопольскому патріархату. Но вѣренъ ли самый фактъ? Дѣйствительно ли востокъ не могъ или не умѣлъ хранить православіе и нуждался въ посторонней помощи? Дѣйствительно ли Петръ Могила, издавая катихизисъ, имѣлъ въ виду «помочь востоку въ сохраненіи православія»? - «Въ 1629 г. въ Женевѣ появилось *восточное православное исповѣданіе Кирилла Лукариса*, -говоритъ намъ исторія, -съ кальвинскими мыслями о вѣрѣ. И протестанты и эзуиты провозглашали объ этомъ сочиненіи, какъ о сочиненіи восточнаго патріарха, для своихъ видовъ. Езуиты и питомцы ихъ уніяты кололи этого книгою глаза Русскимъ и приводили ихъ въ смущеніе. Пастыри южной церкви,

чтобы положить границы толкамъ, въ 1630 г, спрашивали іерус. патріарха Ѳеофана: точно ли неправославное исповѣданіе вѣры принадлежитъ константинопольскому патріарху? Ѳеофанъ изъ Яссъ отвѣчалъ, что п. Кириллъ, какъ и восточная Церковь, не причастенъ сему исповѣданію. Тѣмъ не менѣе отступникъ *Кассіанъ Саковичъ* писалъ: «русскій народъ въ союзѣ съ еретиками, лютеранами и кальвинистами, иные братаются съ ними и пристаютъ къ ихъ сектамъ охотнѣе, чѣмъ къ римскому костелу»[1]). «Ректоръ Коллегіи Исаія Трофимовичь для устраненія этихъ нареканій написалъ «Православное исповѣданіе вѣры». Соборъ 1640 г., созванный Могилою въ Кіевѣ, разсмотрѣлъ это сочиненіе и отправилъ его на востокъ; въ 1642 г. его снова пересмотрѣлъ соборъ епископовъ въ Яссахъ и, нѣсколько исправивъ, отослалъ *на утвержденіе* къ патріарху. Въ 1643 г. его одобрили и патріархи, но почему-то замедлили его отсылкой въ Кіевъ; а между тѣмъ явились новыя нареканія на православныхъ, будто они три года разсматриваютъ свое исповѣданіе и ничего съ нимъ подѣлать не могутъ. Вслѣдствіе этого П. Могила въ 1645 г. издалъ Православное Исповѣданіе на польскомъ[2]) и русскомъ языкахъ въ сокращенномъ видѣ (Малый Катихизисъ)» [3]).—Отсюда

---

[1]) Ист. Рус. Церк. Филарета, пер. IV, стр. 100.

[2]) На польскомъ языкѣ Катихизисъ былъ напечатанъ для того, какъ сказано въ предисловіи къ русскому изданію, чтобы «заградить уста безстыднымъ клеветникамъ, которые на томъ же языкѣ дерзаютъ обвинять предъ свѣтомъ Церковь православно-каѳолическую въ разныхъ ересяхъ». (Ист. Р. Цер. Филарета, пер. IV, стр. 102).

[3]) Рук. къ Руск. Цер. Ист. Знаменскаго, стр. 224.

ясно во 1-хъ то, что изъ обстоятельствъ описаннаго факта нѣтъ никакихъ основаній заключать объ ослабленіи вѣры въ константинопольской Церкви, во 2-хъ то, что Катихизисъ Петра Могилы былъ написанъ противъ обвиненій православныхъ въ кальвинизмѣ, а не «съ цѣлію помочь востоку въ сохраненіи православія»; и въ 3-хъ, что «Исповѣданіе вѣры» было отослано на востокъ не для руководства, а на утвержденіе патріарха. Быть можетъ, нашего автора соблазнило то обстоятельство, что на нареканія въ кальвинизмѣ, прямо относившіяся къ Константинополю, отвѣтъ поспѣшилъ дать Кіевъ? Но, въ такомъ случаѣ, достаточно припомнить тогдашнее географическое расположеніе народовъ по религіознымъ вѣрованіямъ. Достаточно припомнить, что въ то время, какъ Константинополь былъ удаленъ отъ латинскаго запада, Кіевъ находился въ ближайшемъ, можно сказать, непосредственномъ соприкосновеніи съ нимъ. А, вслѣдствіе этого, и могло происходить такъ, какъ въ данномъ случаѣ, т. е., что въ то время, какъ въ Кіевѣ нареканія на православіе становились невыносимыми, въ Константинополѣ могли о нихъ и не слышать. Не думаемъ, чтобы нашему автору не было извѣстно все это; но онъ съ цѣлію игнорируетъ его и, руководясь своей идеей, даетъ указанному факту не тотъ смыслъ, какой онъ имѣетъ.

Так. обр., отступивъ разъ отъ истины, авторъ началъ создавать свою исторію; но вскорѣ, какъ мы видѣли, предвзятая идея завела его въ непроходимыя трущобы анахронизмовъ. Чувствуя себя неловкимъ предъ читателемъ, онъ, чтобы наконецъ хоть сколько нибудь ослабить въ душѣ читателя сомнѣніе въ истинности своихъ словъ, дѣлаетъ salto mortale на почву Московскаго государства и, ища здѣсь для себя опоры, начинаетъ говорить, что «подобное (печальное) поло-

женіе востока было извѣстно хорошо и въ сѣверной Руси. Не много позднѣе Смотрицкаго путешествовалъ на востокъ Арсеній Сухановъ и въ своемъ Проскинитаріѣ описалъ положеніе вѣры на востокѣ, пожалуй, еще болѣе мрачными красками, чѣмъ Смотрицкій» (стр. 60). Ясно, что авторъ хочетъ провести параллель между Арсеніемъ Сухановымъ и Смотрицкимъ, между «Проскинитаріемъ» перваго и «Апологіей» послѣдняго. Что Арсеній Сухановъ, по пріѣздѣ съ востока, описалъ его мрачными красками и что ему повѣрили,—это другое дѣло; но что сочиненія Смотрицкаго сожгли и ему не повѣрили,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ чемъ же здѣсь сходство? Развѣ въ томъ, что какъ тотъ такъ и другой ѣздили на востокъ и описали его мрачными красками? Но, вѣдь, не на эту сторону дѣла авторъ хочетъ обратить вниманіе читателя, а на то, какое вліяніе имѣли сочиненія этихъ лицъ на современниковъ.

Но мысль, что южно-руссы потеряли уваженіе къ константинопольскому патріарху такъ глубоко запала въ голову нашего автора, что онъ никакъ не можетъ разстаться съ нею. Далѣе онъ говоритъ: «во время уніи малоруссы горячо защищали восточныхъ патріарховъ отъ нареканія поляковъ: будто патріархи—рабы турецкаго правительства и являются въ Малороссію, какъ шпіоны султана. Теперь малоруссы многими фактами убѣдились, что патріархи, дѣйствительно, во всемъ должны слушаться султана и поступать такъ, какъ онъ прикажетъ, т. е. дѣйствовать сообразно съ политическими видами Турціи» (стр. 63). Въ подтвержденіе своей мысли авторъ ссылается на то, что, по приказанію султана, патріархи не разъ произносили проклятія на различныхъ гетмановъ Малороссіи, какъ напр. на гетмана Многогрѣшнаго, и *всегда* въ отношеніи къ Мало-

россіи руководствовались этими приказаніями. Чрезъ нѣсколько же страницъ (стр. 68), руководясь мыслію, что констант. патріархи были очень расположены къ Москвѣ, авторъ опровергаетъ себя и приводитъ такіе факты, которые не только не разочаровывали южно-руссовъ въ констант. патріархѣ, но еще болѣе должны были возбуждать въ нихъ уваженіе къ нему. „По своей расположенности къ Москвѣ,—говоритъ онъ,—патріархи иногда по просьбѣ Москвы отмѣняли свои собственныя постановленія и *шли противъ воли султана*. Такъ напримѣръ, патріархи наложили анаѳему на гетмана Брюховецкаго за оскорбленіе грека Михалевскаго. Эта анаѳема снята была по просьбѣ московск. правительства (Ист. Рос. Соловьева т. XIII, 271). Точно также патріархъ по просьбѣ москов. правительства разрѣшилъ отъ анаѳемы гетмана Многогрѣшнаго, *хотя эта анаѳема были наложена на него по приказанію султана* (Тамъ же т. XIII, 293».—Чему же прикажите вѣрить,—тому ли, что́ прежде сказано, или что́ теперь? тому ли, что константинопольскій патріархъ былъ рабомъ султана и поступалъ только такъ, какъ послѣдній прикажетъ, или что онъ не былъ рабомъ султана и поступалъ иногда вопреки его воли?...... Если вѣрно послѣднее, то прежнее увѣреніе со стороны автора въ томъ, будто «теперь (послѣ уніи) малоруссы многими фактами убѣдились, что патріархи, дѣйствительно, во всемъ должны слушаться султана и поступать такъ, какъ онъ прикажетъ, т. е. дѣйствовать сообразно съ политическими видами Турціи»,—уже не имѣетъ смысла.

Что южно-руссы не разочаровывались въ Констант. патріархѣ, а оставались вѣрны ему до самаго присоединенія Кіевской Митрополіи къ Московскому патріархату,-это

доказываетъ послѣдующая исторія юго-западной Руси, исторія, очень хорошо извѣстная самому автору. Извѣстно, что даже окончательное рѣшеніе вопроса о подчиненіи Кіевской Митрополіи Московскому патріархату отдано было южно-руссами на усмотрѣніе Констант. патріарха, и что, вслѣдствіе этого, Москва должна была даже заискивать у Констант. патріарха, просить его объ уступкѣ Кіевской митрополіи. Въ подтвержденіе этого ссылаемся на тѣ факты, которые указаны въ самомъ же разсматриваемомъ нами сочиненіи [1]).

Затѣмъ нашъ авторъ разсказываетъ, какъ Москва, посредствомъ интригъ, подкуповъ и подарковъ, старалась привлечь на свою сторону отдѣльныхъ лицъ изъ южнорусскаго духовенства, чтобы так обр. чрезъ нихъ влять на остальное духовенство. Такими посредствующими лицами оказались-Меѳодій, Барановичь, Адамовичь. »Но,-замѣчаетъ нашъ авторъ,-искренной любви и готовности подчиниться Москов. патріарху въ духовномъ отношеніи, какъ вообще въ малороссійскомъ духовенствѣ того времени, такъ въ частности въ тѣхъ лицахъ, которыя дѣйствовали въ политическихъ дѣлахъ въ пользу Москвы, вовсе не было« (стр. 77). Этотъ характеристичный фактъ авторъ объясняетъ честолюбіемъ самыхъ посредниковъ, жаждою ихъ къ почестямъ и подаркамъ. Но едва ли такое объясненіе удовлетворительно? Прослѣдимъ, напр., дѣятельность Меѳодія. Нѣжинскій протопопъ, Максимъ Филимоновъ, заявляетъ о своемъ желаніи дѣйствовать въ пользу Московскаго правительства. Московское правительство съ радостію принимаетъ содѣйствіе Филимонова и дѣлаетъ его главнымъ агентомъ въ Малороссіи. Филимоновъ

[1]) См. стр. 95, 104—105, 115—116, 118, 127—129 131 и далѣе.

своею дѣятельностію вполнѣ оправдываетъ надежды Московскаго правительства, помогаетъ ему, чѣмъ можетъ. Чтобы усилить значеніе Филимонова въ Малороссіи, Московское правительство вызываетъ его въ Москву. Тамъ встрѣчаютъ Филимонова съ распростертыми объятіями: митрополитъ Питиримъ посвящаетъ его, съ именемъ Меѳодія, въ санъ епископа Мстиславскаго и Оршанскаго и, вмѣсто бездѣятельнаго, хотя и всѣми уважаемаго Лазаря Барановича, назначаетъ блюстителемъ Кіевской митрополіи (стр. 71-72). Честолюбіе его так. обр. было удовлетворено болѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Но что же мы видимъ далѣе? Меѳодій возвращается въ Малороссію и вскорѣ заявляетъ, что онъ считаетъ для себя несчастіемъ быть подъ вѣдѣніемъ московскаго патріарха» (стр. 78). Когда же распространился слухъ, что гетманъ Брюховецкій хлопочетъ о томъ, чтобы Митрополитъ былъ присланъ изъ Москвы, то Меѳодій соединился съ духовенствомъ, чтобы не допустить исполниться этому «Намъ лучше смерть принять, нежели митрополита изъ Москвы,» говоритъ онъ Кіевскому воеводѣ Шереметеву (стр. 79).-Спрашивается-откуда такая перемѣна въ Меѳодіѣ? откуда такое неожиданное ожесточеніе противъ Москвы обласкавшей, облагодѣтельствовавшей его и, вообще, не сдѣлавшей ему ничего кромѣ добра? Едва ли здѣсь приложимо честолюбіе?-Еслибы нашъ авторъ задумался надъ этимъ вопросомъ, то, по всей вѣроятности, скоро бы нашелъ тотъ x, для отысканія котораго многими своими страницами онъ только утомлялъ читателя.

Наконецъ, сказавъ, что подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріарху подготовлялось тѣмъ, что въ это время развивалась вражда между представителями козачества и представителями духовенства, авторъ этимъ и заканчиваетъ первую часть своего сочиненія.

Вторая часть сочиненія, по собственнымъ его словамъ, и какъ мы уже сказали въ началѣ, есть чисто компиллятивная, есть «простой историческій разсказъ». Здѣсь нашъ авторъ оказывается вполнѣ состоятельнымъ. Отказавшись отъ претензіи на субъективный анализъ историческихъ фактовъ и, вообще, отъ всякихъ идей, онъ тщательно и добросовѣстно слѣдитъ за ходомъ историчесскихъ событій, такъ что въ концѣ концовъ даетъ цѣльное представленіе о фактѣ подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріарху. Вторая часть сочиненія на столько представляетъ относительнаго достоинства, что мы не можемъ не желать, чтобы нашъ авторъ и впредь направлялъ свои труды на подобнаго рода историческія описанія, а философію малороссійской исторіи предоставилъ ужъ въ удѣлъ другимъ. Авторъ, во второй части своего сочиненія, по преимуществу руководствуется изданною имъ рукописью «Икона»; ознакомившись съ самою рукописью, мы приносимъ ему глубокую благодарность за изданіе этаго важнаго для исторической науки документа.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРІЕМЪ ВОСПИТАННИКОВЪ ВЪ КІЕВСКУЮ ДУХОВНУЮ АКАДЕМІЮ.

Отъ Совѣта Кіевской Духовной Академіи объявляется:

1). Съ 16-го Августа сего 1873 года въ Кіевской Духовной Академіи, для образованія новаго курса въ ней, имѣетъ быть пріемъ студентовъ изъ лицъ всѣхъ состояній Православнаго исповѣданія (Уст. Дух. Акад. § 6 и 123).

2). Прошенія о пріемѣ въ студенты Академіи, съ обозначеніемъ избираемаго отдѣленія оной, подаются на имя Ректора Академіи съ 1-го по 15-е Августа. Лица, приславшія прошенія по почтѣ, должны прибыть къ началу испытанія-къ 16-му Августа.

3). Къ прошенію о пріемѣ въ студенты должны быть приложены слѣдующіе документы: а) установленный аттестатъ о вполнѣ удовлетворительномъ знаніи курса наукъ Семинаріи или классичесской Гимназіи (Уст. § 125), б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, в) документъ о состояніи, къ которому принадлежитъ проситель по своему званію. Лица податнаго сословія обязаны, сверхъ того, представить Свидѣтельство объ увольненіи ихъ обществами на законномъ основаніи.

4). Всѣ, желающіе поступить въ Академію, должны имѣть въ Семинарскомъ или Гимназическомъ аттестатѣ отмѣтку о поведеніи не ниже 4 (очень хорошаго); а поступающіе въ Академію, по прошествіи года по выходѣ изъ учебнаго заведенія, должны представить и свидѣтельство объ очень хорошемъ поведеніи отъ того Начальства, въ вѣденіи котораго состояли въ это время.

5). Желающіе поступить въ Академію подвергаются повѣрочному испытанію изъ Догматическаго богословія (окончившіе курсъ Гимназіи испытываются въ предѣлахъ пространнаго Православнаго Катихизиса), Церковной исторіи и одного изъ древнихъ языковъ Греческаго или Латинскаго; кромѣ того въ присутствіи членовъ испытательнаго комитета должны написать два сочиненія на данныя темы, изъ которыхъ одна богословскаго содержанія, а другая философскаго или литературнаго.

6). Изъ числа лицъ, подвергшихся повѣрочному испытанію по собственнымъ прошеніямъ, также какъ и по назначенію Начальства, принимаются въ Академію только выдержавшіе удовлетворительно устное и письменное повѣрочное испытаніе; при чемъ оказавшіеся по повѣрочному испытанію лучшими зачисляются казеннокоштными студентами, а остальные своекоштными (Уст. Дух. Акад. §§ 127 и 128). Поступающіе на казенное содержаніе подвергаются медицинскому освидѣтельствованію.

7). Казеннокоштныхъ вакансій для новаго курса имѣется 30.

8). Съ своекоштныхъ студентовъ не взимается платы за слушаніе лекцій въ Академіи (Уст. § 8).

9). Казеннокоштные студенты по окончаніи Академическаго курса обязаны прослужить за каждый годъ содержанія въ Академіи полтора года по Духовно-учебному вѣдомству, а въ случаѣ выхода изъ Духовно-учебнаго вѣдомства до окончанія курса или послѣ онаго, до истеченія обязательнаго срока службы должны возвратить сумму, употребленную на ихъ содержаніе въ Академіи, по расчету проведеннаго въ Академіи, или недослуженнаго времени. (Уст, Дух. Акад. §§ 166-168).

Вышла изъ печати, вторымъ изданіемъ, книга «Письма о Православіи», автора «Путешествія по св. мѣстамъ Русскимъ». Цѣна 1 р. с., пересылка 1 ф.

Гг. иногородныхъ съ требованіями просятъ обращаться въ Кіевъ къ М. О. Семенову, д. Г. Муравьева.

Тутъ же можно выписывать двѣ брошюры: «Почаевская Лавра и Острожское Братство» и «Знакомство съ Русскими поэтами«. Цѣна первой 40 к., второй 25 к.

Поступило въ продажу недавно напечатанное сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Ученіе о церкви въ первые три вѣка Христіанства»—(историческій очеркъ) архимандрита Сильвестра, профессора кіевской духовной Академіи. (1872 г.) Для полученія означеннаго сочиненія нужно адресоваться: *въ Кіевъ, въ редакцію Трудовъ кіевской духовной Академіи*. Цѣна за экземпляръ, безъ пересылки 1 р. 20 к., съ пересылкою 1. 50 к.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга вновь вышедшая книга:

«РАСКОЛЬНИКИ и ОСТРОЖНИКИ«

томъ IV. Ѳ. В. Ливанова.

Содержаніе IV тома. Отъ автора. *Къ портрету Сапѣлкина*. Единовѣрецъ В. А. Сапѣлкинъ и расколники невѣжественной Бѣло-поповской секты, московскіе купцы Кузьма Терентьевъ Солдатенковъ и Тимоѳей Савичъ Морозовъ. *Вмѣсто предисловія*: Чего требуетъ правительство и общество отъ православнаго духовенства въ отношеніи къ расколу и почему духовенство это безсильно въ борьбѣ съ послѣднимъ? I. Императоръ Петръ I какъ антихристъ у раскольниковъ. II. Камергеръ скопецъ А. М. Елянскій, и его проэктъ о божественной канцеляріи въ Россіи. III. Раскольничьи коноводы Папулинъ и Савиновъ, или вѣрное средство помощію раскола наживать милліоны. IV. Лицемѣріе скопцовъ для обмана правительства и общества. V. Секта странниковъ, или бѣгуновъ. VI. Обрядъ принятія въ скопческую секту. VII. Тамбовскіе молокане и духоборцы. VIII Гдѣ скопцы производятъ операціи оскопленія. IX. Екатери-

нославскіе молокане и духоборцы. X. Скопческія и хлыстовскія пѣсни (70 пѣсенъ). XI. Бакунинъ, Огаревъ и князь П. Долгор кій, заграничные агитаторы раскольниковъ. XII. Таврическіе молокане и духоборцы во второй половинѣ царствованія Александра I. XIII. Закланіе хлыстами младенцевъ въ жертву и причащеніе человѣческою кровію. XIV. Харьковскіе молокане и духоборцы. XV. Кавказскіе молокане и духоборцы. XVI. Совращеніе ея сіятельства княжны Д. С. Хованской въ хлыстовскую секту. XVII. Саратовскіе молокане и духоборцы. XVIII. Хлыстовская богородица съ титломъ великой княгини Елены Павловны. XIX. Самарскіе молокане и духоборцы. XX. Астраханскіе молокане и духоборцы. XXI. Какъ скопцы Солодовниковы вертѣлись на пяткѣ въ радѣніяхъ и почему построили свою богадѣльню въ Москвѣ? XXII. Оренбургскіе и уфимскіе молокане и духоборцы. XXIII. Бассарабскіе и донскіе молокане и духоборцы. XXIV. Симбирскіе и рязанскіе молокане и духоборцы. XXV. Новый раскольничій архіерей изъ ивантѣевскихъ кучеровъ Александръ Гераськовъ. XXVI. Владимірскіе, пензенскіе и орловскіе молокане и духоборцы. XКVII. Разговоръ скопческаго бога Кондратія Селиванова съ Императоромъ Павломъ Петровичемъ. XXVIII. Тобольскіе и иркутскіе молокане и духоборцы. ПРИЛОЖЕНІЕ. А). Высылка изъ Москвы защитника скопцовъ, князя А. И. Урусова и появленіе на его мѣсто новыхъ друзей—скопческихъ денегъ. Б). Религіозный скандалъ на могилѣ скопца М. Г. Солодовникова. В) Н. В. Реутскій и его значеніе въ исторіи уничтоженія скопческой секты. *Историческій словарь* 86 раскольничьихъ отцовъ и учителей. *Каталогъ Павла Любопытнаго*, съ перечнемъ до 700 раскольничьихъ сочиненій. Цѣна IV тома, въ 42 листа печатныхъ, 700 страницъ, 2 р. 85 к., съ пересылкою 3 р 20 к. Всѣхъ сектантовъ, живущихъ въ Россіи и заграницей, а равно православное духовенство, доставлявшихъ мнѣ статьи, прошу по прежнему доставлять мнѣ матеріалы.

Содержаніе: а) Поученіе о св. иконахъ, по случаю появленія ереси штундистовъ. б) (Критическій очеркъ) „Изслѣдованіе о подчиненіи Кіевской Митрополіи московскому патріархату“. в) Объявленія.

Печ. позвол. Кіевъ 30 апрѣля 1873 г. Ценз., прот. **М. Богдановъ**.

Въ Типографіи. аренд. С. Кульженко и В. Давиденко